

В о п р о с ы т е о р и и

Политическая экономика этничности

Колье Пол (Collier Paul) – профессор экономики, директор Центра по изучению экономики африканских стран при Оксфордском университете, сотрудник Колледжа Св. Антония

E-mail: paul.collier@economics.ox.ac.uk

Политическая экономия этничности¹

Аннотация

Автор рассматривает влияние фактора этнической неоднородности на производительность экономики и возможность серьёзных конфликтов в обществе. В статье последовательно доказывается тезис о том, что существует связь между этнической неоднородностью и риском возникновения жестоких конфликтов, но эта связь нестрогая. Общества, в большей степени подверженные риску конфликтов, как правило, занимают срединное положение на шкале этнической неоднородности².

Ключевые слова: этничность, политическая экономия, этническая неоднородность, конфликт

В статье³ рассматривается влияние фактора этнической неоднородности на эффективность экономики и возможность серьёзных конфликтов в обществе. Неоднородность чревата различными пагубными микроэкономическими последствиями, нередко приводящими к сокращению влияния государственного сектора экономики, распространению практик патронажа и уменьшению уровня доверия между людьми. При этом масштабы влияния неоднородности на показатели экономического роста всегда зависят от политической конъюнктуры. В ситуации ограничения политических прав неоднородность очень деструктивно воздействует на экономический рост, однако при демократии влияние неоднородности не столь значимо. Существует связь между этнической неоднородностью и риском возникновения жестоких конфликтов, но эта связь нестрогая. Общества, в большей степени подверженные риску конфликтов, как правило, занимают срединное положение на шкале этниче-

¹ Автор хотел бы поблагодарить Anke Hoeffler за серьёзную исследовательскую помощь, оказанную на протяжении всего процесса подготовки материала, а также Mans Söderbom за помощь в работе над частью, посвящённой функциям риска (см. таблицу 4).

² Перевод выполнила Раиса Эдуардовна Бараш – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований ИС РАН, E-mail: raisabarash@gmail.com.

³ Статья подготовлена в рамках ежегодной конференции Международного банка, посвящённой развитию экономики, г. Вашингтон, федеральный округ Колумбия (США), 20-21 апреля 1998 г. Содержащиеся в данной статье информация, интерпретация и выводы, полностью отражая мнение автора, могут не соответствовать позиции Международного банка, его руководства, а также стран-участниц.

ской неоднородности. Общества с высокой степенью этнической неоднородности, например, африканские, как ни странно, даже безопаснее гомогенных обществ. Демократическая Африка, таким образом, может извлечь выгоду из своей этнической неоднородности – уменьшая риск насилия при одновременном исключении потенциальных затрат в результате снижения темпов экономического роста. Однако уровень доходов и соблюдения политических прав тоже важен в контексте риска жестоких конфликтов и их перерастания в широкомасштабную гражданскую войну. В случае вступления общества в такую войну соотношение сил должно измениться. Стабильность конфликтов и успешность их разрешения в большей степени, чем их начало и эскалация, зависят от этнической структуры, в меньшей – от доходов и политических прав. Следовательно, для некоторых вариантов мирного урегулирования может потребоваться изменение границ в целях увеличения (или сокращения) этнической неоднородности государства.

Политическая экономия этничности

Большинство развивающихся стран этнически неоднородны. Многие годы социологи предпочитали не принимать во внимание неприглядный фактор этнической идентичности. Тем не менее, ряд недавних наблюдений аккумулировались в представлении о том, что проявление этнической идентичности негативно сказывается на экономических показателях. Истерли и Левайн [Easterly, Levine 1998], наиболее полно отразившие данный вопрос в своих исследованиях, не только пришли к выводу, что совокупный уровень разнообразия значительно снижает темпы экономического роста, но и предположили, что это объясняет низкие показатели экономического прироста в Африке – на континенте наиболее этнически неоднородных стран. Не удивительно, что такой вывод в самой Африке был воспринят без энтузиазма – как не только не объясняющий причин деструктивности неоднородности, но и не содержащий каких-либо выводов, полезных для сферы экономической политики. Единственным следствием данного вывода кажется лишь призыв «не живите здесь». Кроме того, данный вывод можно трактовать ещё и так: этническая неоднородность увеличивает риск жестоких конфликтов. Например, согласно недавнему сообщению Международного банка на основании данных мониторингового исследования, «этническая неоднородность может привести к усугублению междоусобицы внутри страны» [World Bank 1997]. В пользу этой трактовки свидетельствуют как отдельные случаи межэтнического насилия, так и их совокупность: в Африке не только самый высокий уровень этнического разнообразия, но и наивысшее число пре-

Ряд недавних наблюдений аккумулировались в представлении о том, что проявление этнической идентичности негативно сказывается на экономических показателях.

цедентов гражданских войн. В принципе, одно это могло бы стать достаточным основанием для иллюстрации экономических последствий неоднородности.

Даже если можно точно установить, каким образом этническая неоднородность негативно влияет на экономику, исследование этого может показаться малоперспективным. Нет ничего, что страна могла бы легитимно предпринять в отношении своего этнического состава, и едва ли можно попустительствовать таким нелегитимным мерам, как этнические чистки. В данной статье я демонстрирую практически полезные результаты исследования, содержащего весьма оптимистические выводы. Я говорю о том, что последствия неоднородности не столь губительны, как это обычно представляется. В одном важном (скорее интуитивно понимаемом) аспекте неоднородность благоприятна. Вера в то, что этническая неоднородность повышает риск насилия, должна быть признана заблуждением. По достижению определённого уровня неоднородности дальнейшее её увеличение сокращает риск насилия.

Утверждаю, что пагубные последствия этнической неоднородности, в первую очередь, в экономической сфере, могут быть преодолены политическими мерами. Полагаю, что политические меры разрешения таких проблем существуют. Далее я рассматриваю проблему, обусловленную умеренным уровнем этнической неоднородности, увеличивающим риск жестоких конфликтов. Согласно статистическим данным, средний уровень неоднородности в развивающихся странах и является умеренным. Я исследую возможность политического решения этнических конфликтов для стран, находящихся в наиболее критическом положении.

Этническая неоднородность, политические институты и экономическая эффективность

Истерли и Левайн [Easterly, Levine 1998] в своих работах проводят идею, что этническая неоднородность коррелирует с медленными темпами экономического роста, что частично объясняется связью между неоднородностью и неэффективной экономической политикой. Базируясь на данной гипотезе, авторы вполне обоснованно делают вывод, что неоднородность может заметно усложнить для участников политического процесса совместное решение проблем – то есть альтернативу конкуренции в рамках «игры с нулевой суммой». Причём эти авторы зафиксировали не только политическое, но и остаточное негативное влияние этнической неоднородности.

Если Истерли и Левайн рассматривают влияние этнолингвистической неоднородности на национальном уровне, то Алесина, Бакир и Истерли [Alesina, Baqir, Easterly 1997] – на

Пагубные последствия этнической неоднородности, в первую очередь, в экономической сфере, могут быть преодолены политическими мерами.

локальном, ориентируясь на результаты исследования американских городов. Эти исследователи полагают, что этническая неоднородность американских городов сокращает эффективность работы муниципалитетов при оказании общественных услуг; доказывают, что неоднородность уменьшает эффективность инициатив социальных служб, направленных на проведение продуктивной политики, через увеличение издержек на преодоление негативных последствий неоднородности. Установленная закономерность, по утверждению авторов, справедлива и в отношении государственного сектора рынка труда в Гане. Колье и Гарг [Collier, Garg 1998] аналогичным образом используют территориальную разбивку данных по городам, проранжированным на основании информации о локальном доминировании в них различных родовых кланов. Они утверждают, что, несмотря на предпринимаемые государством ограничения, племенные и родственные группы всё равно будут выполнять функции патронажных систем, сводя эффективность государственных мер развития к минимуму и поддерживая преобладание доминирующей родственной группы. Колье и Гарг через отслеживание личных данных рабочих установили, что в государственном секторе экономики¹ локально доминирующие группы добиваются для своих представителей 25% -го повышения оплаты труда. Контрастирует с этим частный сектор, где подобное повышение не фиксируется вероятно потому, что в частном секторе сильнее стимул к сдерживанию патронажа родственных групп. Следовательно, в добавление к ухудшающейся макроэкономической политике, этническое разделение может уменьшить эффективность деятельности социальных служб.

Возможен и такой вариант ситуации: этническая неоднородность может повредить экономическому процветанию, если она мешает формированию «социального капитала» и доверия, приводя тем самым к высоким транзакционным издержкам. До настоящего времени проблема формирования доверия изучалась главным образом Патнэмом и, в основном, на микроуровне [Putnam 1993]. Этническая неоднородность понималась как преимущество при формировании доверия внутри этнической группы, однако влияние этого фактора на общество в целом, насколько известно, не исследовалось. В данной статье рассматриваются доступные для сравнения по международным показателям данные 23 стран, в которых уро-

¹ Государственный сектор экономики, вне зависимости от форм собственности, будь то государственные, смешанные или частные компании, охватывает ключевые, общенациональные и стратегические сферы экономики, такие как сельское хозяйство, топливно-энергетический комплекс, транспорт, связь и телекоммуникации, оборонные и научно-технические комплексы, здравоохранение и социальная сфера, космос, мировой океан и т. п. Работа этого сектора регулируется законодательством и нормативной деятельностью регулятивных ведомств администрации, как независимых [independent agency], так и входящих в структуры министерств (прим. переводчика).

вень доверия измеряется посредством тщательного изучения установок, позволяющих определить возможность в некоем обществе доверия к чужакам. Патнэм [Putnam 1993] утверждает, что доверие внутренне обусловлено особыми формами социального взаимодействия. Несмотря на это, социальное взаимодействие в рамках доверия должно быть эндогенно по отношению к своим издержкам, и поэтому я апеллирую к более традиционному – экономическому – способу объяснения доверия с точки зрения издержек, с которыми акторы сталкиваются, принимая решение об участии в социальном взаимодействии.

Потенциально этнические неоднородности могут создавать дополнительный барьер для социального взаимодействия, снижая тем самым доверие. Я замечаю показатель издержек социального взаимодействия показателем плотности телефонной сети и пространственной плотности населения. Результаты представлены в [таблице 1](#).

Таблица 1

Этническая неоднородность – барьер для доверия^{1*}?

Переменная	Коэффициент	t-statistic
Этническая неоднородность – <i>b</i>	-0,14	-1,3
Плотность телефонной связи (<i>ln</i>) – <i>c</i>	16,35	6,2
Плотность населения – <i>d</i>	-0,17	-3,0
Плотность населения, возведённая в квадрат – <i>e</i>	0,00043	2,9

^{*}Число исследуемых стран $n=23$. Скорректированный коэффициент детерминации $r^2=0,62$. Критерий Фишера $F=10,11$.

Предваряя обсуждение воздействия этничности, я бы хотел кратко прокомментировать другие переменные, поскольку они представляют определённый интерес сами по себе. Доверие объясняется через издержки социального взаимодействия, и плотность телефонной связи – чрезвычайно важный фактор². Показатель плотности населения возводится в квадрат: люди доверяют своим соседям, когда их немного или, напротив, если плотность населения очень

¹ Доверие – зависимая переменная по шкале от 0 до 100. Модель измерения доверия: $t\text{-statistic. Доверие} = a + b + c + d + e + u$, где “*a*” – свободный член уравнения регрессии, “*u*” – остаточный член; “*b*”, “*c*”, “*d*”, “*e*” устанавливаются и фиксируются в первом столбце [таблицы 1](#). Данные получены из the World Value Survey, источник данных о плотности телефонной связи и населения – The World Bank Development Indicators [см.: The World Bank Development Indicators], об этнической неоднородности – работа Мауро [Mauro 1995]. Обратите внимание, что $n=23$, т. е. выборка очень мала, и поэтому результаты следует интерпретировать с осторожностью. Это одна из причин, по которой в статье регрессия не рассматривается более подробно.

² Плотность телефонной сети может, конечно, использоваться для альтернативного представления и других факторов, в частности дохода. Несмотря на то, что доход внутренне обусловлен доверием, он напрямую не используется для контроля. Тем не менее, плотность телефонной сети является гораздо более значимым и сильным фактором в сравнении с другими видами инфраструктуры, в такой же степени связанными с доходом.

велика. К сожалению, эффект этнической неоднородности очень сложно интерпретировать. На допустимом уровне он статистически незначителен, однако не настолько, чтобы можно было аргументированно доказать его малую значимость. Если коэффициент отрицателен и довольно высок, различие между наименее и наиболее этнически разделёнными обществами отображается в одном стандартном отклонении – снижении доверия. Подобное предположение, хотя и с низкой долей достоверности, доказывает, что этническая неоднородность является барьером в формировании доверия.

В результате представляется, что этническая неоднородность весьма негативно отражается на таких аспектах экономического развития, как экономический рост, макроэкономическая политика, муниципальное управление, формирование заработной платы в государственном секторе экономики, а также причины доверия. Далее я бы хотел сосредоточиться на влиянии этнической фракционности на политические институты.

Демократия потенциально может способствовать проведению правительством разумной экономической политики, а также устанавливать рамки, ориентируясь на которые, группы могут достигать взаимовыгодных результатов. Я начал с базовой регрессии, с помощью которой объяснил рост ВВП на душу населения в период 1960-1990 гг., используя традиционный набор структурных характеристик неполитического характера: исходный уровень ВВП на душу населения, темпы роста населения, наличие выхода к морю (см. таблицу 2). Были исключены все политические переменные, поскольку они могли пониматься как присущие этнической неоднородности. К анализируемым переменным добавлена этнолингвистическая неоднородность (ЭЛН), определяемая в промежутке от 0 до 100, а также уровень демократичности политических прав, ранжируемых в диапазоне от 1 (полностью демократические) до 7 (отсутствие политических прав)¹.

Значимы все переменные: демократия увеличивает темпы экономического роста, этническая неоднородность уменьшает их. Кажется, что этническая неоднородность приносит значительные убытки: в сравнении с гомогенными обществами в наиболее этнически неоднородных показатели

¹ Ранжирование параметра «политические права» выполнено с использованием Gastil-индекса. Это субъективная оценка ряда таких фундаментальных атрибутов, как значимость выборов, справедливость избирательного законодательства и возможности агитации, право голоса электората, наличие политической конкуренции, свидетельствующей о возможности смены политической власти через выборы, значительное оппозиционное голосование, свобода от внешнего или военного контроля за внутренней политикой, самоопределение меньшинств или плюрализм, децентрализация политической власти и попытка политических агентов достичь консенсуса по вопросам национальных отношений. При этом объективно индекс Gastil довольно тесно коррелирует с другими показателями, такими как индекс Боллена и Хьюмана (см. дискуссию в работе Феддерке и Клитгаард [Forthcoming 1998]).

экономического роста ниже примерно на 1,6%, а уровень стационарного дохода составляет лишь одну пятую часть (дохода в гомогенных обществах).

Таблица 2

Две регрессионные зависимости экономического развития от этнической фракционности и демократии (по 94 странам)*

Переменная	Базовая регрессия**		Эффект взаимодействия***	
	Коэффициент	t-statistic	Коэффициент	t-statistic
Константа	10,73	3,42	9,2	3,55
Логарифм ВВП	-0,90	-2,55	-0,81	-2,59
Логарифм численности населения	-0,73	-2,05	-0,86	-2,54
Выход к морю	-1,01	-1,85	-0,99	-1,84
ЭЛН	-0,0156	-2,22	-	-
Политические права	-0,26	-1,73	-	-
ЭЛН – Политические права			-0,0043	-3,22

*Число изучаемых стран n=94.

**Скорректированный коэффициент детерминации $r^2=0,16$. Критерий Фишера $F=4,63$.

***Скорректированный коэффициент детерминации $r^2=0,18$. Критерий Фишера $F=6,20$.

Попытаюсь определить, как связаны этническая неоднородность и демократия. Потенциально эффект взаимодействия может быть как позитивным, так и негативным. Рискуя «скалиться» в упрощение, я устанавливаю различие между реальной политикой и политикой идентичности.

Формально политическая система участвует в реализации экономической политики двумя способами. Во-первых, она создаёт символический капитал и сотрудничество. Во-вторых, избиратели «наказывают» правительство, проводящее неэффективную экономическую политику и настаивающее на том, что проводимая им политика эффективна. По контрасту с этим, политикой идентичности гражданам напоминают о неоднородности общества, уменьшая таким образом социальный капитал и возможности для сотрудничества. Лояльность электората поддерживается независимо от экономической политики партии. Правительство скорее проводит политику патронажа по отношению к своим верным сторонникам, нежели обеспечивает нужды медианного избирателя.

На основании выводов Алесины, Бакира и Истерли [Alesina, Baqir, Easterly 1997] можно заключить, что сотрудничество, вероятно, будет носить негативный характер. А этническая неоднородность американского города окажется связанной с переходом от политики конкретных результатов к политике идентичности. Тем не менее, сотрудничество вполне может

Политикой идентичности гражданам напоминают о неоднородности общества, уменьшая таким образом социальный капитал и возможности сотрудничества.

быть позитивным. Демократия способна обеспечить функционирование институтов, содействующих разрешению потенциально разорительных споров этнических групп друг с другом.

В гомогенных обществах сотрудничество может быть достаточно простым и не зависеть от демократических институтов, тогда как в сложносоставных обществах именно благодаря подобным институтам возможны не «игра с нулевой суммой», но совместные решения. Следовательно, этнически неоднородные общества могут получить от демократии больше, чем гомогенные, где ниже потребность в обсуждении решений. И это утверждение не противоречит выводам Алесины, Бакира и Истерли [Alesina, Baqir, Easterly 1997]. Этническая неоднородность процесса принятия политических решений обусловлена политическими границами. Децентрализация предполагает возможность вариативности конкретных экономических решений в различных этнических плоскостях. В Соединенных Штатах на федеральном уровне проводится политика конкретных действий («Это экономика, глупец»¹), тогда как на локальном – скорее политика идентичности. Но такой подход довольно нетипичен и, вероятно, отражает иммигрантскую природу американского общества. Большинство стран, проводящих политику идентичности, делают это и на общегосударственном уровне. Происходит это потому, что в большинстве стран существует весьма незначительное этническое разделение на локальном уровне, в то время как национальные границы гораздо шире границ этнических групп. Тем не менее в таких обществах политики локального уровня в большей степени стремятся к политике действий. Это, например, является одной из основных причин региональной децентрализации в Эфиопии: демократия регионального уровня этнически довольно гомогенна, несмотря на неоднородность на национальном уровне.

Далее я бы хотел изучить взаимодействие этнической неоднородности и демократии через введение категории «регрессия взаимодействия ЭЛН и политических прав». Введение данной категории предполагает, что влияние этнической неоднородности и политических прав само по себе совершенно ничтожно (что на самом деле не фиксируется)² и проявляется лишь во взаимодействии. Незначительные факты прямого влияния исключаются регрессией, самой важной переменной в ней представляется взаимодействие. Коэффициент велик и отрицателен. Поскольку политические права измеряются по убывающей шкале от 1 до 7, можно говорить о том, что демократия заметно уменьшает значимость проблем, обус-

¹ Это предвыборный лозунг Билла Клинтона в 1992 г. (прим. пер.).

² Даже если каждая категория включена по отдельности наряду с категорией эффекта их взаимодействия, их t-statistic показатель составляет лишь 0,4 и 0,6 соответственно, тогда как эффект взаимодействия имеет большое значение.

ловленных этнической неоднородностью. Например, в совершенно недемократической политической системе экономические показатели гомогенных обществ увеличиваются на 3% быстрее, чем в максимально неоднородном обществе. По контрасту: в совершенно демократической политической системе показатели роста, как правило, уменьшаются до скромных 0,4%. *Недостаток политических прав в сильно этнически разобщённых обществах экономически разрушителен.*

Этническая неоднородность, политические институты и конфликт

Далее анализируется взаимосвязь между этнической неоднородностью и жестокими конфликтами. Резюмирую и дальше развиваю результаты моего недавнего исследования, проведённого совместно с коллегами [Collier, Hoeffler 1998, a, Collier, Hoeffler, 1998, b: 563-573; Collier, Hoeffler, Söderbom 1998]. Риск гражданской войны определяется на основании расчёта выгод от восстания и затрат на него.

Издержки состоят из затрат на взаимодействие и упущенной выгоды. Напомним, что, изучая эффективность деятельности социальных служб, Алесина, Бакир и Истерли [Alesina, Baqir, Easterly 1997] установили, что этническая неоднородность усложняет взаимодействие. Если оно является необходимым условием формирования и поддержания сопротивления, то этническая неоднородность возможных мятежников, как правило, сокращает риск жестокого насилия. Это означает, что взаимосвязь между этнической неоднородностью общества и риском конфликтов должна быть неравномерной. В обществе с двумя этническими группами координационные издержки на сопротивление будут ниже, чем в гомогенном обществе, поскольку повстанцы могут идентифицировать себя как этнически отличающиеся от группы, поддерживающей правительство. Однако в случае восстания координационные издержки общества с двадцатью этническими группами будут выше, чем общества с двумя этническими группами (или гомогенного общества), поскольку гипотетические повстанцы вынуждены будут взаимодействовать, невзирая на этнические границы.

Другие учитываемые издержки восстания – это упущенная выгода¹. С очевидностью это можно продемонстрировать на примере дохода на душу населения. При очень низком уровне доходов люди мало что потеряют, вступив в ряды повстанцев, особенно молодые мужчины, которые, как правило, и являются бунтарями.

¹ Стоимость сделанного выбора эквивалентна выгоде, которую могли бы получить, приняв наилучший из отвергнутых вариантов (прим. пер.).

В обществе с двумя этническими группами координационные издержки на сопротивление будут ниже, чем в гомогенном обществе, поскольку повстанцы могут идентифицировать себя как этнически отличающиеся от группы, поддерживающей правительство. Но в случае восстания координационные издержки общества с двадцатью этническими группами будут выше, чем общества с двумя этническими группами (или гомогенного), поскольку повстанцы вынуждены будут действовать, невзирая на этнические границы.

Выгоды мятежников зависят от военных успехов, которые, в свою очередь, детерминированы финансовыми возможностями правительства приобрести оружие. Очевидно, что расходы на оборону в тот или иной период зависят от наличия риска военных действий и поэтому не могут использоваться для прогнозирования возможности конфликтов. Исходя из этого, я замещаю налогооблагаемую базу экономики основными показателями экспорта ВВП, поскольку в большинстве государств они облагаются высоким налогом. Выгода от восстания зависит не только от успеха, но и от его целей. Некоторые группы повстанцев стремятся к сецессии. Проще всего показатель стремления к сецессии представить через численность населения: правительства стран с высокой численностью населения в меньшей степени нуждаются в своих гражданах с периферии [Alesina, Spolaore 1997]. Другие повстанческие группы стремятся к захвату государства. В этом случае победу повстанцев можно представить через показатель захвата базы налогообложения. Следовательно, влияние фактора базы налогообложения – в случае риска восстания – неоднозначно, поскольку, с одной стороны, снижает возможность успешной победы, а с другой – увеличивает выгоду в случае победы. Поскольку чистый эффект фактора базы налогообложения не должен быть однозначен, в рамках моей гипотезы переменная «основные статьи экспорта» принимается возведённой в квадрат.

Вероятность гражданской войны увеличивается с определением значимости выгод, достигнутых повстанцами в ходе войны. Теория совокупно представлена следующими переменными:

p = возможность победы повстанцев;

T = база налогообложения, иллюстрируемая основными показателями экспорта ВВП;

P = население (логарифм);

Y = цена издержки выбора, представленная доходом на душу населения;

C = затраты на взаимодействие, представленные этнолингвистической неоднородностью.

Модель была использована с целью изучения случаев гражданских войн, произошедших в период с 1960 г. Для анализа взяты базовые характеристики стран – как по состоянию на указанный год, так и в хронологически близкие периоды. Основанием послужили доступные данные о 97 государствах, в том числе о тех 27-ми из них, где после 1960 г. вспыхнули гражданские войны. Эти данные оказались весьма подходящими для начала анализа, поскольку именно в этот период многие страны оставались колониями, так что потенциальный

риск гражданской войны в большинстве случаев был нивелирован. Исходя из этого, потенциальная обусловленность дохода риском гражданских войн, как правило, не учитывается. Результаты приведены в [таблице 3](#).

Таблица 3

Два анализа регрессии, наблюдаемые в ходе гражданских войн

Переменная	Базовая регрессия		Добавлены политические институты	
	Коэффициент	<i>t-ratio</i>	Коэффициент	<i>t-ratio</i>
Константа	-1,543	2,14	-2,61	-2,66
Доход	-0,001	2,70	-0,0004	-1,87
Основные статьи экспорта	16,16	2,56	13,89	2,18
Основные статьи экспорта 2	-29,47	2,28	-27,71	-2,05
ЭЛН	0,033	1,35	0,027	1,09
ЭЛН2	-0,0004	1,60	-0,0003	-1,26
Население	0,0003	2,39	0,0002	2,26
Политические права	-	-	0,225	1,80

Источник. Базовая регрессия [Collier, Hoeffler 1998].

В базовой регрессии все переменные значимы вместе с ожидаемыми признаками. Риск гражданской войны в значительной степени соотносится с уровнем доходов: бедность заметно увеличивает этот риск. Влияние этнической неоднородности неоднозначно: умеренно разделённые общества находятся в большей опасности, чем гомогенные, что связано с уменьшением координационных издержек восстания в случае, если потенциальные повстанцы этнически отделены от групп населения, поддерживающих правительство. Тогда как для сильно этнически неоднородных обществ опасность гражданской войны выше, чем для гомогенных обществ, потому что неоднородность потенциальных повстанцев увеличивает координационные издержки восстания. Применительно к Африке такое наблюдение позволяет сделать вывод, что частые гражданские войны на континенте полностью обусловлены низким уровнем доходов, тогда как высокий уровень этнической неоднородности уменьшил риск жестоких конфликтов в регионе. Такой риск мог бы быть гораздо выше, если бы в африканских обществах уровень этнической неоднородности был ниже среднего уровня в других обществах [Collier, Hoeffler 1998 b: 563-573]. Тот факт, что экспорт естественных ископаемых, имеющих в изобилии, увеличивает риск войны, я интерпретирую следующим образом: привлекательность захвата богатого природными ресурсами государства компенсируется возможностями этого государства защищаться и откупаться от посягательств.

Второй вариант регрессии, представленный в таблице 3, учитывает в качестве переменной ещё и политические права (которые были определены ранее). Доход на душу населения и демократические права взаимозависимы: введение в модель фактора политических прав несколько уменьшает влияние фактора дохода. Эффект этнической неоднородности теряет свою значимость, но на коэффициенты это мало влияет. Политические права существенно влияют на вероятность развязывания гражданской войны. Переход от низшего к высшему уровню прав равнозначен росту дохода от среднего показателя на 2,4 пункта. Таким образом, для того чтобы демократизация привела к достижению мира, потребовалось бы почти полвека роста дохода. Хотя в этнически разделённых обществах не обязательно вспыхивают жестокие конфликты, однако отсутствие демократии ведёт к росту бедности, что увеличивает вероятность конфликтов. Напомним, что в максимально неоднородных обществах при недостатке демократических институтов экономические показатели растут на 3% медленнее, чем в гомогенных обществах. Так как средний уровень темпов экономического роста на душу населения в 1960-1990 гг. составлял лишь 1,7%, этнически разделённые общества были признаны обществами с чрезмерно низкими доходами.

В целом же рост доходов выводит общества из нищеты, снижая риск гражданской войны. Сравним, например, максимально разобщённое общество с обществом, уровень разобщённости которого прямо угрожает развязыванием войны (это происходит при достижении коэффициентом показателя в 45). Полностью разобщённое общество, как правило, гораздо безопаснее. В единицах дохода полная разобщённость «стоит» 62%-го роста дохода (по отношению к эквиваленту среднего уровня безопасности). Однако, если полностью разобщённое общество всегда абсолютно недемократично, то частично разобщённое – полностью демократично, причём темпы роста экономических показателей во втором на 1,4% выше, чем в первом. Из двух обществ с одинаковым уровнем дохода демократическое полностью компенсирует высокий риск гражданской войны вследствие опасной разобщённости посредством высоких доходов, но только через 34 года.

При этом демократия снижает риск войны как прямо – через увеличение возможности урегулировать споры, так и косвенно – за счёт более высоких доходов. В большинстве сильно разобщённых обществ основной вклад демократии в дело мира реализуется через влияние на доходы; происходит это из-за того, что значимость роста доходов в таких обществах значительно выше, поскольку при определённом уровне доходов риск войны низок. В частично разобщённых обществах веро-

Хотя в этнически разделённых обществах не обязательно вспыхивают жестокие конфликты, однако отсутствие демократии ведёт к росту бедности, что увеличивает вероятность конфликтов.

ятность гражданской войны максимальна, а вклад демократии в рост дохода снижен. Тем не менее, демократия всегда реально приводит к прямому уменьшению риска конфликта¹.

Наконец, перейдем к проблемам, обусловленным эскалацией насилия, современными гражданскими войнами и сохранением мира в послевоенных ситуациях. Это могут быть процессы, в определённой степени общие для всех трёх проблем, но отличающиеся от рисков гражданской войны в первоначально мирных обществах.

Для анализа ситуации, связанной с эскалацией насилия, использовались данные Гурра [Gurr 1993: 161-201], который различает шесть уровней насилия: нижний уровень содержит политическое преступление, верхний – гражданскую войну, а срединные уровни представлены терроризмом и партизанской войной разных степеней интенсивности. Я опираюсь на предложенную экспериментальную модель для объяснения перехода от состояния мира к указанным шести уровням насилия. Основная инновация в модели Гурра заключена в том, что она акцентирует внимание на находящихся в невыгодном положении этнических меньшинствах. Однако ради того, чтобы результаты оставались пригодными для сравнения с другими показателями, я не использую данный аспект модели Гурра, а вместо этого принимаю во внимание измеряемый в диапазоне от 0 до 100 показатель этнолингвистической разобщённости. Хотя модель Гурра не распространяется на столь значимое количество стран, как предыдущие модели, она всё же важна.

При изучении проблем, обусловленных продолжающейся гражданской войной или разрушением послевоенного мира, я оцениваю функции риска. Различные вариации такой оценки функций риска представлены в работах Коле, Хоэффлера и Седербома [Collier, Hoeffler, Söderbom 1998], проводящих более подробный анализ используемых моделей и данных. Функции риска моделируют длительность конфликта и, соответственно, послевоенного мира на месяц. Материалы, касающиеся гражданской войны, особенно внимательно рассматривались Смоллом и Сингером [Small, Singer 1982; Small, Singer 1994], и к 1997 г. эти материалы были обновлены. Функции рисков изучаются на основании частично параметрических методов и не учитывают принципа ограниченной специализации Вейбулла. Возможность установления мира в ходе гражданской войны оценивается на основании данных первого или второго (если необходимо) периода войны для каждой страны, начиная с 1960 г. Риск возобновления войны после заключения мира может быть определён лишь для

¹ К сожалению, в то время как у демократии есть два таких мощных инструмента снижения конфликтов, переход к ней может вызвать временную фазу повышенного риска. Это основной результат исследования Гурра [Gurr 1993: 161-201]. Я не обращаюсь к этой проблеме в данной работе.

тех стран, которые разрешили проблему гражданской войны и, таким образом, ограничили рамки исследования. В целях расширения масштабов исследования подобный риск оценивается для всех стран, где после 1945 г. возникали гражданские войны. Поскольку данная статья посвящена не структуре риска, но скорее значению объясняемых переменных, в ней содержатся лишь зафиксированные переменные. Результаты всех трёх процессов содержатся в [таблице 4](#).

Таблица 4

Эскалация, поддержание и возобновление жестоких конфликтов¹

Переменная	Эскалация		Поддержание		Возобновление	
	Коэфф.	<i>t</i> -statistic	Коэфф.	<i>t</i> -statistic	Коэфф.	<i>t</i> -statistic
Доход	-0,00008	-1,47	-0,00017	-0,92	-0,00004	-0,22
Основные	-5,48	-0,63	-	-	-	-
Основные 2	5,25	0,2	-	-	-	-
ЭЛН	0,053	1,92	0,0512	1,71	-0,05	-1,59
ЭЛН2	0,00052	-1,85	-0,0006	1,74	0,006	1,72
Население	0,18	1,04	0,0693	0,32	-0,2385	-1,21
Политические права	0,3	2,33	-0,839	0,72	-0,1517	-1,19
	<i>n</i> =47		<i>n</i> =45		<i>n</i> =56	

Приведённые в [таблице 4](#) данные для ситуаций эскалации, поддержания или возобновления конфликтов доказывают общее правило. Во-первых, учёт этнической неоднородности всегда важен, особенно если этот показатель возведён в квадрат, и, таким образом, более значим, чем при анализе прецедентов гражданской войны, обозначенных в [таблице 3](#). Причём, несмотря на значительно меньший объём выборки. Во-вторых, по контрасту, доход, население и основные экспортные статьи более не являются хоть сколько-нибудь важными. Но почему значимость взаимосвязи дохода и этнической неоднородности должна меняться столь существенно? Напомню, что доход представляет собою альтернативную стоимость присоединения к восстанию, в то время как этническая неоднородность эквивалентна затратам на взаимодействие. Я полагаю, что при определении того, возникнет ли гражданская война, решающий фактор состоит в том, смогут ли потенциальные предводители восстания убедить других присоединиться к ним. Поскольку реакция потенциальных лидеров на такие убеждения изначально зависит от свободного выбора потенциальных новобранцев, это утяжеляет альтернативные издержки. Однако, как только восстание начнётся, его результат – потер-

¹ Основные экспортные статьи совершенно не учитывались при анализе рисков и были приняты для приблизительной оценки.

пит ли оно неудачу, получит поддержку или даже наберёт темпы – будет зависеть от возможности поддерживать связи между повстанцами. У рядовых солдат-повстанцев нет возможности оставить свой пост. Действительно, все армии квалифицируют оставление позиций как дезертирство, за что жестоко наказывают. Это снижает значимость дохода, поскольку снижена значимость индивидуального выбора. Однако группы повстанцев легко раскалываются и начинают бороться друг против друга, и это является самой главной стратегией правительства по контролю мятежей. Я полагаю, что показатели при этнической неоднородности (особенно возведённые в квадрат) являются индикатором возможной сложности сохранения сплочённого офицерского состава.

Представляется, что сохранение мира в новой послевоенной ситуации, зависит от того же процесса (но с противоположным знаком), который, в свою очередь, обуславливает устойчивость войны. И это очень похоже на правду. Неспособность повстанцев поддерживать своё единство в послевоенный период способствует сохранению мира, позволяет избежать эскалации конфликта и укоренения гражданской войны.

Политические права – наиболее значимая переменная в модели эскалации. Демократия сокращает риск создания террористическими группами опорной базы, достаточной для эскалации насилия до масштабов полноценной гражданской войны. В свою очередь, политические права представляются менее эффективным инструментом, когда речь идёт о сокращении масштаба конфликта, уже разросшегося до полноценной войны, а также уменьшения риска реставрации конфликта в конкретном месте.

Таким образом, по масштабу проблема предотвращения гражданской войны отличается от проблем предотвращения эскалации, завершения текущей войны и удержания нового мира. Степень этнической неоднородности в этих процессах тем не менее одинакова: гомогенные общества безопаснее обществ со средней степенью разделения, однако общества с высокой степенью неоднородности являются более безопасными даже в сравнении с гомогенными обществами. Политические права очень важны при профилактике и эскалации конфликта, но представляются не столь эффективной мерой достижения и поддержания процесса урегулирования продолжающейся гражданской войны. Уровень доходов населения очень важен для предотвращения гражданской войны, но менее эффективен там, где уже было насилие; кроме того, имеется совсем мало свидетельств его значимости для уменьшения продолжительности войны или поддержания послевоенного мира.

Заключение

Этническая идентичность и неоднородность до последнего времени при анализе экономической конъюнктуры табуировались. Недавние факты, способные преодолеть это табу, казались весьма обескураживающими. Были установлены сильные устойчивые механизмы, влияние которых с большой долей вероятности приводило к тому, что экономические показатели этнически разделённых обществ были хуже показателей более гомогенных обществ. Более того, существовало предположение, хотя формально и не исследованное, что этническая неоднородность является причиной гражданских войн и иных форм жестоких конфликтов. Подобное предположение вызывало обеспокоенность судьбой африканских государств, отличающихся высоким уровнем этнической неоднородности, самым низким уровнем экономического роста и наиболее частыми прецедентами гражданских войн.

В данной статье анализировалась этничность в понимании её как высокой агрегированной всепроникающей общности. Это не безусловно для странового уровня исследования, поскольку на этом уровне, с учётом специфики современного периода, может быть диагностировано множество факторов, не выявляемых при обычном рассмотрении. Мой подход, пожалуй, наделяет экономические факторы сравнительным преимуществом при анализе, а также служит дополнением к стратегии исследования государства (стратегии, которая сама по себе сталкивается с трудностью определения того, что является особенным на национальном уровне). Прежде всего, я установил ещё один механизм, посредством которого этническая неоднородность может сокращать доход на душу населения через сокращение доверия и, таким образом, через увеличение транзакционных издержек. Но следом я обозначил два обнадёживающих набора данных. В одном случае наблюдения касались ситуации, когда политические институты оказываются более значимыми не в гомогенных обществах, а там, где потенциально существует проблема этнической неоднородности. Демократия имеет возможность практически полностью компенсировать экономические убытки, которые могут быть следствием высокого уровня этнической неоднородности. В другом случае я фиксирую, что взаимозависимость между этнической неоднородностью и риском жестоких конфликтов гораздо более тонкая и неоднозначная, чем предполагалось ранее. Фактически очень неоднородные общества гораздо безопаснее менее неоднородных. И фактически высокий уровень неоднородности в Африке представляется источником стабильности, а не опасности. С точки зрения вероятности возникновения насилия, наиболее опасны именно средние уровни

Политические права очень важны при профилактике и эскалации конфликта, но представляются не столь эффективной мерой достижения и поддержания процесса урегулирования продолжающейся гражданской войны.

С точки зрения вероятности возникновения насилия, наиболее опасны именно средние уровни неоднородности, при том что последствия неоднородности для экономического роста оказываются неизменно негативными.

неоднородности, при том что последствия неоднородности для экономического роста оказываются неизменно негативными. В то время как взаимозависимость между неоднородностью и конфликтом нелинейна, значимость политических институтов для мира и спокойствия, а также для экономического роста стабильна. Поскольку доход также является важным фактором риска конфликтов, усилия демократии – в целях сокращения рисков – направлены по двум векторам: с одной стороны, на прямое разрешение конфликтов, а с другой – на косвенное снижение предпосылок беспорядков. Более того, экономическое развитие уменьшает риск конфликтов.

Выводы для обществ с высокой степенью этнической неоднородности, подобных африканским, обнадеживают. Чем выше в таких обществах уровень политических прав, тем выше результативность усилий по обоим векторам. Демократия эффективно устраняет потенциально негативные последствия этнической неоднородности для экономического роста, в то время как высокий уровень неоднородности делает общество даже безопаснее (в плане жестоких конфликтов) гомогенных обществ.

Наконец, я сосредоточил внимание на обществах, уже столкнувшихся с конфликтами, изучил причины эскалации, поддержания, возобновления жестоких конфликтов в таких обществах. В этих процессах этническая неоднородность более важна, чем уровни дохода. Поддержание или создание крайней этнической неоднородности могут быть самой лучшей надеждой на мир. В случае обществ, пребывающих в состоянии гражданских войн, федерализация в целях создания очень неоднородных обществ может стать более эффективным решением, чем экономическое развитие. Однако такие очень неоднородные общества должны быть демократичными, если они хотят избежать высоких экономических издержек.

Библиографический список

1. Easterly W., Levine R. 1998. Africa's Growth Tragedy // Quarterly Journal of Economics.
2. The World Bank Annual Report 1997 // The World Bank. Official website. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/1997/01/01/000009265_3971113150954/Rendered/PDF/multi_page.pdf [дата посещения: 30.11.2012].
3. Alesina A., Baqir R., Easterly W. 1997. Public Goods and Ethnic Divisions // World Bank. – Washington, D. C.
4. Collier P., Garg A. 1998. Forthcoming. On Kin Groups and Wages in Africa // Oxford Bulletin of Economics and Statistics.

В то время как взаимозависимость между неоднородностью и конфликтом нелинейна, значимость политических институтов для мира и спокойствия, а также для экономического роста стабильна.

Поддержание или создание крайней этнической неоднородности могут быть самой лучшей надеждой на мир. В случае обществ, пребывающих в состоянии гражданских войн, федерализация в целях создания очень неоднородных обществ может стать более эффективным решением, чем экономическое развитие. Однако такие очень неоднородные общества должны быть демократичными, если они хотят избежать высоких экономических издержек.

5. Putnam R. D. 1993. The prosperous community: social capital and public life // American Prospect. № 4.
6. The World Bank Development Indicators (WDI) covering 214 countries from 1960 to 2011 // World Bank. Data. Indicators. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> [дата посещения: 30.11.2012].
7. Mauro P. 1995. Corruption and growth // Quarterly Journal of Economics. CX (3). P. 681-712.
8. Fedderke J., Klitgaard R. 1998. Forthcoming. Economic Growth and Social Indicators: An Exploratory Analysis // Economic Development and Cultural Change.
9. Collier P., Hoeffler A. 1998 a. The Coming Anarchy? The Global and Regional Incidence of Civil War / CSAE. – Oxford.
10. Collier P., Hoeffler A. 1998 b. On Economic Causes of Civil War // Oxford Economic Papers. № 50. P. 563-573.
11. Collier P., Hoeffler A., Söderbom M. 1998. On the Duration of Civil War and Postwar Peace / CSAE. – Oxford.
12. Alesina A., Spolaore E. 1997. On the Number and Size of Nations // Quarterly Journal of Economics. № 112. P. 1027-56.
13. Gurr T. R. 1993. Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilisation and Conflict since 1945 // International Political Science Review. № 14. P. 161-201.
14. Small M., Singer J. D. 1982. Resort to Arms: International and Civil War, 1816-1980. – Beverly Hills: Sage.
15. Small M., Singer J. D. 1994. Correlates of War Project: International and Civil War Data, 1816-92.